

ОТМЕНЕННОЕ ПОВЕШЕНИЕ: ВОЛНЕНИЯ В ВАЛУЙКАХ В 1650–1652 ГОДАХ

В. Н. Глазьев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 июля 2024 г.

Аннотация: необходимость ремонта крепости Валук представляла собой тяжелую обязанность людей, несущих службу и обеспечивающих себя за счет работы на земле. Это стало поводом для волнений валуйчан, которые первоначально квалифицировались воеводой М. М. Дмитриевым как «скоп и заговор». Царем был вынесен указ о повешении двух зачинщиков, но впоследствии, когда обвинения воеводой валуйчан не подтвердились, был отменен. После этого валуйские служилые люди продолжали борьбу с воеводскими злоупотреблениями, подав царю коллективную челобитную. Понимая важность Валук как крепости на южных рубежах страны, монарх пошел навстречу людям, назначив судебное разбирательство.

Ключевые слова: XVII век, Валуйки, воевода, служилые люди, волнения.

Abstract: the need to repair the fortress of Valuyki was a heavy duty for people serving and supporting themselves by working on the land. This was the reason for the unrest of the residents of Valuyki, who were initially qualified by voivode M. M. Dmitriev as «croud and conspiracy». The tsar issued a decree on the hanging of two instigators, but later, when the accusations of the voivode of Valuyki were not confirmed, it was canceled. After that, the Valuyki service men continued to fight against voivodes abuses, submitting a collective petition to the tsar. Realizing the importance of Valuyki as a fortress on the southern borders of the country, the monarch went towards the people by appointing a trial.

Key words: XVII century, Valuyki, voivode, service men, unrest.

Последовавшее за протестными событиями 1648 г. принятие Соборного уложения не привело к прекращению массовых городских движений. Мощные выступления горожан произошли в 1650 г. в Новгороде и Пскове. Гнев жителей был направлен, в частности, против городских воевод. Правительство молодого царя Алексея Михайловича в отношении протестных акций использовало военную силу и прибегало к уговорам и уступкам. Острые противоречия между воеводами и местными «мирами» возникали и на южных окраинах страны, где шла напряженная борьба с набегами крымцев и ногаев, велось широкое оборонительное строительство. В этой связи заслуживают внимания события в Валуйках 1650–1652 гг.

О столкновении воеводы М. М. Дмитриева и «всего города» Валук 1650–1652 гг. упоминали С. К. Богоявленский и С. Б. Веселовский как примере борьбы населения городов с воеводскими злоупотреблениями [1, с. 391]. Конфликта валуйчан с воеводой М. М. Дмитриевым касался А. Г. Чепухин в работе о служилых и жилацких людях Валук в XVII в. [2, с. 156–416]. Новый взгляд на движения протеста середины XVII в. содержится в книге Д. А. Ляпина. Автор предлагает отказаться от терми-

на «городские восстания», рассматривает социально-политическую борьбу этого периода в контексте усиления самодержавной власти. По мнению Д. А. Ляпина, в годы обострения социально-политической борьбы самодержавие из формально декларируемого принципа начало развиваться как реальная политическая система [3, с. 247]. Предлагаемый читателям статьи сюжет о волнениях в Валуйках заслуживает внимания с точки зрения изучения возможностей сословных групп в отстаивании своих интересов, воздействия горожан на центральную и местную власть.

Город Валуйки (в документах назывался «Волуйка» или «Валуйка») был основан в 1599 г. на р. Оскол [4; 5]. Во второй трети XVII в. крепость находилась на территории южнее Белгородской черты, «за чертой», если смотреть из Москвы. Из-за внешней опасности до 1680-х гг. город Валуйки не имел уезда – окрестных сел и деревень [6, с. 52–53]. С дипломатической точки зрения город-крепость Валуйки имел важное значение как один из центров русско-крымских посольских размен.

Разрядная книга 1637/38 г. насчитывала 659 валуйских служилых людей, включая конных и пеших стрельцов, полковых казаков, станичных атаманов и ездоков [7, с. 96–97]. Служилые люди были наделены землей в качестве жалования. Они должны были сами обеспечивать себя и свои семьи, работая на полях.

В 1625 г. в Валуйках была создана станичная служба, состоявшая из 24 станиц, в каждой станице по атаману и 5 ездоков, всего 144 человека. В 1626 г. атаманы получили по 43 четвертей земли «в поле», а в два потому ж», ездоки – по 18 четвертей «в поле», дополнительно они наделялись лугами [8]. По данным А. И. Папкова, в 1643 г. в Валуйках служили 96 черкас [9, с. 227]. В 1645 г. в Валуйках числилось 716 служилых и жилацких людей, в том числе 224 полковых казака, 100 конных стрельцов, 40 пеших стрельцов, 24 станичных атамана, 120 станичных ездоков, 100 пушкарей и затинщиков, 20 ямских охотников, 79 черкас, 1 кузнец, 8 чернослободцев [2, с. 290].

В 1650 г. на воеводстве в Валуйках находился стольник М. М. Дмитриев. Дмитриевы происходили от смоленских князей: от кн. Константина Ростилевича и его внука Александра Юрьевича Нетши; родоначальник Дмитриевых – окольный Григорий Андреевич Мамон Дмитриев (умер в 1510 г.). Отец М. М. Дмитриева Михаил Самсонович – известный деятель времен Смуты. В октябре 1646 г. М. М. Дмитриев из дворян московских пожалован царем Алексеем Михайловичем в стольники [10, с. 102]. По боярским книгам 1547 и 1558 гг. стольник М. М. Дмитриев имел поместный оклад 750 четвертей, денежный – 45 руб. [11, с. 29].

Воевода получил указную грамоту из Разрядного приказа об обновлении городских укреплений и объявил об этом служилым людям. Но тяжелые работы отвлекали жителей Валук от насущных земледельческих работ. Весной 1650 г. М. М. Дмитриев приказал валуйчанам ремонтировать стены и башни крепости «в худых местах». Местные жители просили воеводу перенести работы на более поздний срок, до осени, и воевода согласился. 8 сентября 1650 г. М. М. Дмитриев вновь собрал служилых людей на смотр и попытался заставить их возводить стены. Кроме того, воевода требовал, чтобы валуйчане жили внутри городских укреплений, а не за стенами крепости. Люди опять просили об отсрочке в работах. На этот раз М. М. Дмитриев отказался откладывать городское дело. Он сказал: «Вы «огуряетесь»¹. Стороны на повышенных тонах выясняли отношения.

В это время боярин Б. А. Репнин и дьяк Д. Карпов инспектировали укрепления по черте от Белгорода до Дона. 10 сентября они находились в Короче, куда приехали посланные из Валук от М. М. Дмитриева люди и подали боярину отписку от валуйского воеводы. Валуйский администратор сообщал, что в ходе ссоры с валуйчанами он приказал денщикам взять в съезжую избу ездока М. Шацкого. Валуйчане, среди

которых воевода выделил К. Чеглокова, с криком отняли ездока. Они, по словам М. М. Дмитриева, били его по туловищу и по щекам и гнались за ним до воеводского двора. Воевода писал, что сидит «в осаде» и тревожится за свою жизнь.

Следует отметить, что не все служилые люди выступили против воеводы. Посланниками от М. М. Дмитриева в Корочу были станичный атаман М. Бабенков с его станицей. Они привезли к боярину Б. А. Репнину и дьяку Д. Карпову станичного ездока С. Ребинина, которого валуйский воевода назвал «заводчиком» мятежа. Боярин и дьяк допросили ездока. Главный вопрос – был ли в Валуйках «скоп и заговор» против воеводы.

О «скопе и заговоре» шла речь в статьях 19–22 главы II Соборного уложения 1649 г. Приход к представителям власти большой совокупности лиц, объединенных предварительным замыслом и соглашением, карался смертной казнью для всех участников «скопа и заговора» [12, с. 21]. Боярин и дьяк спрашивали С. Ребинина: приходили ли «скопом и заговором» люди всем городом к воеводе, «лаяли» ли его, били ли по щекам и «в душу», гнались ли за ним до его двора, сидел ли воевода от людей в осаде? Находился ли С. Ребинин среди участников этих событий?

На все эти вопросы ездок отвечал отрицательно: «скопа и заговора» не было, воеводу не били, за ним не гнались и «в осаде» от валуйчан он не сидел. Боярин и дьяк словам С. Ребинина не поверили и приказали посадить ездока в корочанскую тюрьму. В тот же день в Валуйки от Б. А. Репнина был послан А. И. Хрущев в сопровождении отряда из 10 московских стрельцов, 20 корочанских казаков, 10 корочанских черкас. А. И. Хрущеву давалось поручение произвести сыск о «воровском заводе», зачинщиков выступления предписывалось схватить и посадить в валуйскую тюрьму. На карауле у тюрьмы было велено стоять московским стрельцам. Если будет необходима пытка, то виновных разрешалось пытать.

Видимо, Б. А. Репнин тревожился, не превысил ли он полномочия, назначив сыск в Валуйках. Он оправдывал свои действия тем, что в наказе ему поручалось заведовать южнорусскими городами, в том числе Валуйками, и решать судебные дела.

Реакция царя Алексея Михайловича на сообщение о валуйских событиях была скорой и суровой. Действия Б. А. Репнина по назначению сыска в Валуйках получили одобрение. С. Ребинина предписывалось скованного послать в Валуйки для допросов. В Москве приняли версию о «скопе и заговоре». Сыщик А. И. Хрущев должен был опросить валуйских жителей и выяснить, кто зачинщик беспорядков, кто виновен в преступном умысле, кто бил и бесчестил

¹ Огуряться – отнекиваться, отделиваться, отлынивать, отыгрываться, бегать от дела, уходить от работы, упрямиться от лени и своеволия.

воеводу. О результатах сыска следовало сообщить в Москву.

В царской грамоте от 22 сентября 1650 г. указывалось зачинщиков 5 или 6 человек в торговый день бить кнутом, водя по улицам, затем посадить в тюрьму до указа. Самых рьяных «заводчиков, пуших воров», предоставив духовного отца для покаяния, надлежало повесить за городскими стенами. Для устрашения и назидания жителей Валук двух казненных следовало не снимать с виселицы пять дней. Предписание соответствует наблюдениям Н. Колманн о «минимальных ритуалах» в России при осуществлении смертной казни [13, с. 371–386]. По поручению дьяка Разрядного приказа Г. Ларионова грамоту пересылал в Белгород холоп М. М. Дмитриева.

Между тем в Валуйках еще не знали о грозном указе о повешении виновных. 12 сентября приехавший в город А. И. Хрущев начал сыск. 22 сентября материалы сыска были присланы боярину и дьяку, которые находились уже в Коротояке. Б. А. Репнин и Д. Карпов отправили документы – отписку А. И. Хрущева, выписку из расспросных речей, очных ставок и сказок валуйчан – из Коротояка в Москву, а сами пошли в Урыв.

А. И. Хрущев сообщил, что он посадил в тюрьму М. Шацкого, а К. Чоботова не нашел. Валуйские станичники рассказали сыщику, что К. Чоботова направили в Москву с коллективной челобитной от всего города. Надеясь на царскую милость, валуйчане просили царя перенести срок ремонта крепости на более позднее время. Таким образом, один из зачинщиков бунта на время был защищен от наказания.

В ходе сыска А. И. Хрущевым были проведены очные ставки и опрошено 228 человек, в том числе денщики съезжей избы, священники, стрелецкий и казачий голова, станичные атаманы, станичные ездки, полковые казаки, стрельцы, ямской староста, ямщики, пушкар, черкасы и 7 человек «неизвестного чину». В ходе повального обыска валуйчане заявляли, что «скопом и заговором» они к съезжей избе не приходили, воеводу не ругали, до двора за ним не гонялись, а приходили к смотру, который объявил сам М. М. Дмитриев. Опрошенные утверждали, что ссора с воеводой возникла из-за городского дела. М. М. Дмитриев отказывался отпускать в Москву челобитчика об отсрочке ремонта крепости. Жители Валук намеревались просить об этом царя, так как земледельческие работы еще не закончились. Валуйчане заверяли, что дурного умысла они не имели. Факты бития воеводы по щекам не подтверждали. Говорили, что не вырывали М. Шацкого из рук денщиков, езду освободили «всем миром».

Результат повального обыска, осуществленного А. И. Хрущевым, подача коллективной челобитной

показали, что воевода преувеличил опасность для себя, считать события бунтом нет оснований. Совместные показания служилых людей повлияли на то, что решение о повешении двух валуйчан было отменено. 7 октября 1650 г. в Москве был составлен новый царский указ. Валуйским служилым людям объявлялось о милости – отмене смертной казни. Но участники конфликта с воеводой признавались виноватыми, и им назначалось наказание. А. И. Хрущев должен был двух виновных приказать бить кнутом, а десятерых – батогами². Отменив повешение, царь Алексей Михайлович показал себя как мудрый и справедливый правитель, оправдывая возложенные на него надежды.

20 октября активные участники события были наказаны. Их список А. И. Хрущев отправил в Белгород, откуда бумага была переслана в Москву в Разрядный приказ. Кнутом были биты конный стрелец А. И. Мухин и казак Д. Савельев. Батогами наказали дьячка А. Л. Чоботова (вероятно, брата К. Чоботова), пятидесятника Г. П. Гусева, пятидесятника Т. С. Некрылова, станичных атаманов Т. В. Немого и С. М. Князева, черкашенина П. Данилова, полкового казака Л. Е. Лунщина, ездовых М. Ф. Шацкого и С. Е. Ребинина, неслужилого человека Г. Д. Шерапова. Царь пошел навстречу просьбам валуйчан, срок ремонта крепости был перенесен [14, л. 324–361].

Весной 1651 г. уже был наказан по царскому указу воевода М. М. Дмитриев. 27 апреля к Валуйкам подходили татары и взяли в плен четырех валуйчан. Воеводу обвинили в том, что он не направлял станичников для наблюдения за татарскими сакмами, отпускал жителей в небольшом количестве за городские укрепления. Позже выяснилось, что воевода еще 25 апреля узнал о приближении татар, но не писал об этом в Москву. Стрелецкому и казачьему голове С. Хомицкому надлежало посадить М. М. Дмитриева в тюрьму на три дня в качестве наказания [15, с. 67–68, 82–84]. Несомненно, о недовольстве в Москве воеводой знали в Валуйках, что не укрепляло авторитет администратора. Служебные упущения воеводы сопровождались негодованием населения по поводу его насилий и вымогательств.

Царь Алексей Михайлович и его окружение учитывали уроки середины «бунташного» столетия. Выступления населения в Москве, Томске, Пскове, брожение народа в других городах свидетельствовали о необходимости для центральной власти обуздать произвол местных администраторов, против которых направлялся людской гнев.

20 ноября 1651 г. царь Алексей Михайлович указал разослать по окраинным городам грамоты. В них

² Батоги – палки, употреблявшиеся для телесных наказаний. Наказание батогами считалось более легким, чем наказание кнутом.

говорилось о том, что государю стало известно об обидах и притеснениях жителей пограничных уездов от воевод. По этой причине многие оскудевшие служилые люди уходили из пограничных городов. Воеводам вменялось в обязанность относиться к людям с «лаской и добрым приветом», суд производить по Соборному уложению «в правду», взяток ни за какие дела не брать. В случае нарушения предписания воеводам грозила «великая опала» и возмещение ущерба по искам пострадавших [16, л. 114–115, 115 об.]. Однако указные грамоты не прекращали воеводских насилий по отношению к населению. В этих обстоятельствах служилые люди южных городов настойчиво отстаивали свои интересы.

В начале 1652 г. в Москве в Разрядном приказе от имени жителей всего города Валук Н. Кубаев, К. Чеботов, П. Духанин, П. Кондабаров, Г. Уколов, В. Луковников, валуйский черкашенин П. Данилов подали челобитную на валуйского воеводу М. М. Дмитриева, который притеснял валуйцев – сажал в тюрьму, устраивал частые смотры, на смотрах их бил, держал закованными «в железях и в чепях», сажал в тюрьму жен и детей и морил их «голодною смертию», брал посулы деньгами, лошадьми и медом.

Руководителям Разряда думному дворянину И. А. Гавреневу, думному дьяку С. Заборовскому, дьякам Г. Ларионову, И. Северову челобитчики предъявили «заручную» (заверенную подписями) роспись лиц, пострадавших от воеводы. В ответ новому валуйскому воеводе Д. Яковлеву предписывалось произвести сыск – допросить валуйских служилых людей и духовенство: всем ли они городом подавали челобитную на воеводу, «а они б валуйчане, боясь Бога и помня государево крестное целование, сказали в правду».

По результатам сыска следовало составить два списка, заверенных «рукоприкладствами»: тех, кто жаловался на воеводу, и тех, кто не испытывал притеснений от М. М. Дмитриева. Затем произвести очную ставку между бывшим воеводой, с одной стороны, и челобитчиками и другими пострадавшими валуйчанами – с другой. После сыска М. М. Дмитриева полагалось отпустить в Москву и туда же прислать все документы.

Сыск производился с 23 февраля 1652 г. Опрошенные священники, станичные атаманы и ездоки, черкасы, полковые казаки, конные и пешие стрельцы, пушкари и затинщики подтвердили, что челобитная на воеводу подана от имени всего города. М. М. Дмитриев сажал в тюрьму жен и детей челобитчиков, которые ездили в Москву, и держал их в тюрьме больше недели. Летом в рабочую пору по два-три раза в день устраивал смотры служилым людям. Станичники заявили, что воевода давал им поручения, не предусмотренные указами, от чего они остались без

хлеба. Станичные ездоки сетовали: «государева служба стала не в силу». Станичный атаман С. Забобурин, выбранный в кабацкие целовальники, сообщил, что воевода взял с него 10 руб. Казака Е. Кудрявцева воевода держал в цепи 4 недели, казак заболел, был отпущен, дошел до дома и умер. С ездока К. Лунина воевода взял 6 руб. «без вины». Атамана Н. Кубаева воевода держал в цепях, бил и взял с него 3 руб. С атамана С. Волкова М. М. Дмитриев взял 5 руб. «и держал в тюрьме в железях неведомо за што». С С. Ребинина взял две ногайских лошади. С М. Старокожева взял 10 руб. и держал в съезжей избе. С черкашенина Н. Екимова воевода взял «посулов и поминок» 4 руб. 20 алт. «от жалованья насильством». Разрешив валуйцам сварить вино или пиво, воевода затем изымал спиртное, сажал в тюрьму и брал штраф по 5 руб. С валуйских ямщиков воевода взял 2 руб. за освобождение от строительства города, но ямщикам пришлось выполнить всю их часть «городового дела». С ямщиков Т. Вытелкова, Т. Шумилина, О. Корелина и других воевода брал деньги по разным поводам [17, л. 27–83].

В очных ставках М. М. Дмитриев отрицал то, что брал посулы деньгами и медом. С его слов, он сажал в тюрьму за нарушения дисциплины, жалования не дал тем, кто в то время находился в плену. Черкашенин С. Кондратьев заявил, что бывший воевода взял с него 4 руб. В ответ М. М. Дмитриев утверждал: 4 рублей с него не брал, «только принес ко мне отец ево рубль в почесть, а будет скажет отец ево Кондратей, что я взял с него насильством рубль и я заплачу» [там же, л. 1–14].

23 апреля 1652 г. в Разряд были переданы распросные речи и очные ставки от Д. Яковлева. По словам нового воеводы, он отпустил М. М. Дмитриева в Москву [там же, л. 22–26]. В Разряде узнали, что в ходе очных ставок М. М. Дмитриев и челобитчики заключили между собой мир [там же, л. 96].

Дело было доложено царю Алексею Михайловичу. Царь указал допросить М. М. Дмитриева: сколько он заплатил челобитчикам за мир, за какую вину он держал в тюрьме жен челобитчиков. Бывший валуйский воевода был допрошен «по крестному целованию» думным дворянином И. А. Гавреневым. М. М. Дмитриев заявил, что, боясь от государя «гнева и опалы», он помирился с челобитчиками (Н. Кубаевым, В. Луковниковым, К. Чеботаевым, П. Кондабаровым), дав им 25 руб.

После первой группы челобитчиков в Москву приезжали другие валуйчане: К. Ловягин, стрельцы В. Панин, С. Агеев, черкасы Л. Антонов, П. Данилов, К. Иванов, пушкарь И. Коншин. По словам М. М. Дмитриева, они с ним мирились «от всего города, а просили с него по рублю и он им ничево не дал» [там же, л. 105–108]. Обвинения в свой адрес воевода отрицал.

Правительство проявило настойчивость в защите интересов жителей Валук. 1 июля 1652 г. яблоневским воеводам боярину кн. Г. С. Куракину и дьяку Н. Наумову поручалось произвести сыск и выяснить, сколько посулов и поминок М. Дмитриев взял и у кого. Показания пострадавших, заверенные их подписями, прислать в Москву [там же, л. 109–110]. Результаты сыска, который производил рязанский дворянин О. Н. Лихарев, поступили в Разрядный приказ 22 августа.

Значительная часть валуйчан – духовенство, стрелецкий и казачий голова С. Хомицкий, пешие и конные стрельцы, полковые казаки, пушкарки – заявили, что не знают про вымогательства и взятки М. М. Дмитриева. В свою очередь, станичные атаманы и ездоки сообщили, что М. Дмитриев «чинил налоги большие, и сидели за приставом и в тюрьме атаманы и ездоки».

Челобитчики, вернувшиеся из Москвы: Н. Кубаев, В. Луковников, К. Чеботов, П. Духанин, П. Кондабаров – сообщили, что помирились с М. Дмитриевым и получили от него деньги в общей сложности 30 руб. И так, часть средств, полученных в результате вымогательства, воевода горожанам возвратил. Насколько обогатился М. М. Дмитриев в Валуйках, нам не известно. Для сопоставления: воевода южного города-крепости Добрый Ф. П. Обернибесов, по наблюдениям Д. А. Ляпина, «заработал» 259 руб., вымогая деньги у местных драгун [3, с. 191].

В Москву была послана роспись посулов и поминок, которые М. М. Дмитриев вымогал у валуйчан. Так, полковой казак Г. Уколов сообщил, что без вины сидел при М. Дмитриеве в тюрьме, вынужден был отдать воеводе 10 руб., не мирился и денег своих не получил. Черкашенин П. Данилов, у которого воевода изъял 10 руб. и четыре пуда меда, с ответчиком не помирился. С. Забобурин обвинял воеводу в изъятии 9 руб. Ф. Дмитриев заявил, что воевода взял у него 10 пудов меда. Черкасы Л. Антонов и К. Иванов помирились с М. М. Дмитриевым, но денег с него не взыскивали.

В то же время станичник К. Лодыгин и стрелец С. Агеев сообщили, что были в Москве с «мирским делом» – просили о жаловании, а на воеводу не жаловались [17, л. 115–131]. Хотя валуйчане утверждали, что жаловались на воеводу «всем городом», очевидно какая-то часть горожан не пострадала от М. М. Дмитриева и на него челом не били.

История борьбы валуйчан с М. М. Дмитриевым свидетельствует о том, что как и в других регионах страны, население городов Юга России активно отстаивало свои интересы. Для царя Алексея и его правительства было важно, чтобы народное недовольство выражалось в легальных формах, в подаче коллективных челобитных, но не перерастало в вос-

стания. Узнав, что сообщение воеводы М. М. Дмитриева о бунте валуйчан не подтверждается, монарх отменил свое решение о повешении зачинщиков, но посчитал необходимым наказать активных участников конфликта.

Важность Валук как форпоста на пограничье определяло пристальное внимание к ситуации в крепости со стороны царя Алексея и Разрядного приказа. Если воеводские притеснения людям наносили ущерб обороне, то правительство проявляло твердость, могло применять жесткие меры по отношению к администраторам. Царем назначалось судебное разбирательство. После подтверждения фактов насилий и вымогательств воевода был вынужден возвращать часть собранных средств населению. Немаловажное обстоятельство – воля монарха. Боясь «гнева и опалы» от государя, воевода компенсировал нанесенный им ущерб служилым людям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. – М., 1955.
2. Чепухин А. Г. Волуйка : крепость на южнорусской окраине (судьбы служилых и жилацких людей XVII века) / А. Г. Чепухин // История военного дела : исследования и источники. – 2014. – Т. V.
3. Ляпин Д. А. Царский меч : социально-политическая борьба в России в середине XVII века / Д. А. Ляпин. – СПб., 2018.
4. Фоминов А. В. Дата основания Валук 1599 год : новые аргументы / А. В. Фоминов // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 3. – Белгород, 2018.
5. Ахимюк А. В. Документы об основании Царева-Борисова и Валук в РГАДА и ОПИ ГИМ (обзор) / А. В. Ахимюк // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 3. – Белгород, 2018.
6. Загоровский В. П. Изюмская черта / В. П. Загоровский. – Воронеж, 1980.
7. Разрядная книга 1637–1638 гг. – М., 1983.
8. Чепухин А. Г. Организация и развитие станичной службы в Волуйке в XVII в. / А. Г. Чепухин // Белгородская черта : сборник статей и материалов по истории Белгородской оборонительной черты. Вып. 3. – Белгород, 2018.
9. Папков А. И. Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII в.) / А. И. Папков. – Белгород, 2004.
10. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник : в 2 т. / М. Р. Белоусов. – Казань, 2009. – Т. 2.
11. Боярская книга 1658 г. – М., 2004.
12. Соборное уложение 1649 г. – Л., 1987.

13. Коллманн Н. Ш. Преступление и наказание в России раннего Нового времени / Н. Ш. Коллманн. – М., 2016.

14. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 13. – Стб. Приказн. ст. – Д. 275.

Воронежский государственный университет
Глазьев В. Н., доктор исторических наук, профессор,
декан исторического факультета
E-mail: vng@main.vsu.ru

15. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 323.

16. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. – Стб. Белгород. ст. – Д. 333.

17. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 13. – Стб. Приказн. ст. – Д. 154.

Voronezh State University
Glazjev V. N., Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Historical Faculty
E-mail: vng@main.vsu.ru